

УДК 1(091)

АНАЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА НАД КАНТОМ — ИДЕАЛИЗМ, ВЕЩИ В СЕБЕ И ОБЪЕКТ ЗНАНИЯ¹

Р. Хауэлл *

В первой части представлен набросок развития интерпретации Канта в аналитической философии. Автор обращается к кантовскому трансцендентальному идеализму и трем хорошо известным сложностям, связанным с вещами в себе и этим идеализмом генерируемым: проблеме непознаваемости, проблеме ноуменальной аффектации и применения категорий и проблеме отклоненной альтернативы. Основываясь на своей работе «Вещи в себе: предварительный итог» (XI Кантовские чтения, Балтийский федеральный университет, 2014 г.), автор поднимает вопрос о том, насколько можно принять кантовский идеализм и решить эти проблемы таким способом, чтобы это: 1) было справедливо по отношению к тексту Канта, 2) показало его позицию как последовательную и его главные аргументы — как приемлемые, 3) не основывалось на философски неубедительных предположениях. Показано, что этим требованиям — быть строго кантовскими и философски удовлетворительными — не удовлетворяют такие интерпретации в рамках аналитической философии, как работы Питера Стросона, Рэй Лэнгтон, Генри Эллисона и Десмонда Хогана. Фактически, невероятно найти строго кантовское и философски ценное решение этих проблем, хотя возможны разрозненные и философски ценные реконструкции кантовских идей, и автор провозглашает свою поддержку таких реконструкций. Коротко комментируются взгляды Роберта Ханны, Майи Соболевой и Сергея Катречко на вещи в себе. В конце предлагаются несколько направлений исследований с учетом данной дискуссии.

Ключевые слова: проблемы вещей в себе, трансцендентальный идеализм, Кант в аналитической философии, аргументы Канта в пользу идеализма.

---

¹ Статья подготовлена на основе доклада на Международном научном семинаре по трансцендентальной философии Канта, прошедшем в Высшей школе экономики в апреле 2016 г. В связи с этим повторяются некоторые выводы из моих предыдущих работ, однако я надеюсь, что дискуссия и новые материалы все же вызовут интерес к моей статье.

* Department of Philosophy, University of Albany, USA 12222 NY, SUNY Albany; Факультет философии МГУ, 119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1.

Поступила в редакцию: 03.08.2017 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2017-4-3

© Хауэлл Р., 2017

I. Аналитическая философия и ее подход к интерпретации Канта

Почти все аналитические философы, занимающиеся учением Канта, признают его глубину и влияние. Аналитическая философия частично возникла из протеста Джоржа Мура и Бертрانا Рассела против абсолютно-го идеализма, на традициях которого они были воспитаны. Этот идеализм ведет к Канту, поэтому и Мур, и Рассел являлись глубокими знатоками его философии. Их протест был в одинаковой мере направлен как против главного тезиса Канта, так и против таких мыслителей, как Ф.Г. Брэдли и Б. Бозанкет. Этот протест усиливался тем, что Рассел отстаивал логицизм в философии математики, будучи под влиянием логицистского, антикантианского подхода Фреге к арифметике. Интересно, что развитие центральных тем аналитической философии представляет собой реакцию на Канта, что отметил Роберт Ханна (Hanna, 2001). Можно считать это преувеличением, но Ханна, безусловно, прав в том, что аналитическая традиция основывается на ее отношении к Канту.

Несомненно, что аналитический поход к Канту существовал задолго до того, как сложилась традиция аналитической философии. Серьезные мыслители всегда желали видеть кантовские идеи изложенными в ясной, недвусмысленной форме, так, чтобы их можно было либо подтвердить, либо опровергнуть. При жизни Канта критика слышалась со стороны как оппонентов, так и приверженцев его взглядов, таких как Якоб С. Бек, Иоганн Шульц и Герман А. Писториус. Позже Бернанд Больцано и Франц Brentano предложили глубокую критику кантовских идей. Под влиянием Фреге и Рассела находился Витгенштейн — кантовские темы встречаются у него и в ранних, и в поздних работах. Однако в ранний период становления аналитической философии кантовские позитивные тезисы (как его критика метафизики) нередко рассматривались негативно. Так, логические позитивисты отказались от его понятия о синтетической истине *a priori* и поставили под сомнение его аргументы в пользу завершенной системы категорий, а позже постпозитивисты, такие как Куайн и Мортон Уайт, атаковали различения между аналитическими / синтетическими и *a priori* / *a posteriori* суждениями.

Однако с начала 1960-х гг. ситуация изменилась. Мейнстрим аналитической мысли отказался от повальной атаки на метафизику. Стросон защищал метафизические постулаты, апеллируя в кантовской манере к условиям, которые необходимо должны быть выполнены с тем, чтобы существа, подобные нам, могли устанавливать отношения к вещам мира и приписывать им свойства. Более молодые исследователи, такие как Роберт Пауль Вольф (Wolff, 1963) и Чарльз Парсонс (Parsons, 1964), опубликовали свои философски проницательные интерпретации Канта². Появились

---

² Мой собственный интерес к Канту развился под влиянием моего учителя В. Ч. Альдриха (Virgil Charles Aldrich), который указывал на связь между Кантом и Витгенштейном. Работы Стросона усилили этот интерес. Вольф и Парсонс наглядно продемонстрировали преимущества, которыми обладает философски информированный исследователь Канта. По моему мнению, их работы остаются лучшими за последнее время.

ранние работы о Канте Грэма Бёрда (Graham Bird). В этот же период идея Куайна о том, что философия погранична с наукой, открыла новые возможности для занятий традиционной систематической мыслью, включая философию Канта.

Позже стросоновская работа «Границы смысла» (Strawson, 1966) раскрыла значительное аналитическое содержание первой «Критики», которое можно рассматривать как философски убедительное в его собственных терминах. Стросон отверг кантовский трансцендентальный идеализм, который он считал недоказанным и ведущим к неразрешимым проблемам. Он оценивал ту часть кантовской работы, которую считал достойной защиты, как попытку проанализировать структуру любой концептуальной схемы, которая может быть понятна человеку. При этом он утверждал, что, анализируя требования к обладающим самосознанием чувственным существам, можно специфицировать детали такой концепции, не обращаясь к трансцендентальной психологии. Отвергая кантовские трансцендентальные рамки, но защищая другие центральные положения Канта, он показал, что большую часть кантовского проекта можно сохранить, даже если мы откажемся от его противоречивого тезиса о непознаваемом царстве ноуменальных сущностей.

Книга Стросона имела непреходящее значение для интеграции кантовских идей в мейнстрим аналитической мысли. Она противоречива, неисторична и не всегда корректна, но я полагаю, что она остается лучшей работой о Канте в рамках аналитической традиции. Вскоре после ее выхода Уилфрид Селларс опубликовал свое исследование о Канте, которое прокомментировал Джонатан Беннет. Как и Стросон, Беннет предложил рассматривать кантовские аргументы неидеалистического характера как самостоятельные и не нуждающиеся в специальной защите.

Работа закипела. Такой известный исследователь, как Льюис Уайт Бек, выступил против стросоновской интерпретации второй кантовской аналогии опыта. Генри Эллисон (Allison, 2004), напротив, встал на защиту влиятельной неметафизической интерпретации кантовского идеализма. Поль Гайер (P. Guyer) выпустил серию ценных комментариев, и, наконец, Джеймс Ван Клив (J. Van Cleve) опубликовал одну из наиболее аналитически пронизательных работ по Канту из всех вышедших в прошлом столетии. Эпистемологически-логически ориентированные исследования Якко Хинтикки оказали сильное влияние на мою собственную работу и представляют собой большой интерес и по сей день. В целом период от выхода книги Стросона до текущего момента можно считать золотым веком аналитического кантоведения.

В рамках данной статьи невозможно подробно представить эту работу. Она состоит также и в детальных исследованиях по специальным темам, таким как Кантова философия математики, его трансцендентальная эстетика и трансцендентальная дедукция категорий (о чем я также писал), его философия науки и отношение к современной ему теории познания³. В отличие от подходов Стросона и Беннета, такая работа включает в себя тщательные исторические исследования. Кроме того, англоязычное аналитическое кантоведение плодотворно сотрудничало с европейским кантоведением, что инициировали поездки Дитера Генриха (D. Henrich) и других исследователей в американские университеты в этот период.

---

³ См. об этих исследованиях мои работы: (Howell, 2007; 2013).

II. Трансцендентальный идеализм и его сложности

Я уже указал на то значение, которое аналитические исследователи Канта придавали интерпретации и значимости (или незначимости) его трансцендентального идеализма⁴. Это не случайно, так как трансцендентальный идеализм составляет сердцевину критической философии, и понимание тем, которые он затрагивает, во многом помогает прояснить мысль Канта. Понимание его также позволяет увидеть, насколько другие важные идеи Канта можно оценить как зависимые от его идеализма. План моей статьи таков: в этой части я опишу традиционное онтологическое понимание трансцендентального идеализма, в третьей части напомним о проблемах, вытекающих из такой интерпретации относительно вещей в себе, и затем исследую возможности решения этих проблем, а также рассмотрю убедительность трансцендентального идеализма самого по себе и его альтернативные интерпретации. В четвертой части я предложу вариант поведения с учетом невозможности решить эти проблемы, оставаясь в рамках кантовской конструкции, и прокомментирую коротко работы Р. Ханна, М. Соболевой и С. Катречко.

В своей первой «Критике» Кант показывает, что объекты, существуя сами по себе, являются нам в чувственном опыте. Они вызывают созерцания, которые представляют нам эти объекты в качестве индивидуальных и конкретных пространственно-временных вещей. Пространство и время — сами только формы внешнего и внутреннего опыта, и любой объект нашего познания существует для нас в известной нам пространственно-временной форме только в качестве явления посредством соответствующего созерцания, имеющего место в пространстве и времени. Получается, что как объекты нашего познания, так и пространство и время — зависимые от познания сущности, не существующие сами по себе⁵. Эта позиция составляет кантовский эмпирический реализм и одновременно трансцендентальный идеализм. Пространство и время действительно относятся к объектам познания, и эти объекты («явления») действительно познаваемы для нас. Но, несмотря на то, что эти объекты так же, как пространство и время, эмпирически реальны, они одновременно трансцендентально идеальны в том смысле, что они суть сущности, зависящие от познания, которые не принадлежат вещам, существующим сами по себе, и не встречаются в них. Кант показывает, что, хотя категории применимы ко всем объектам нашего познания, они не применимы к объектам самим по себе и, значит, не дают знания о них⁶. Как и другие только что названные положения, этот пункт выражает для Канта трансцендентальное, второго порядка а priori знание объема и границ нашего априорного и эмпирического знания первого порядка (А 11 — 12 / В 25; А 56 — 57 / В 80 — 81 и др.).

Я набросал в общих чертах традиционное, онтологическое прочтение кантовского идеализма. Это прочтение можно представить двумя способа-

---

⁴ Например, Стросон, Беннет, Гайер, я сам, Ван Клив и Кеннет Вестфаль (К. Westphal) критиковали идеализм, а Эллисон и Ханна защищали его.

⁵ См.: (А 26 / В 42; А 32 — 33 / В 49) и т.д. Также см., например: (А 35 / В 51; А 38 / В 55; А 27 — 28 / В 43 — 44; А 35 — 36 / В 52 — 53; А 42 — 43 / В 59 — 60).

⁶ См., например: (А 246 / В 303).

ми: а) имплицитно, в терминах версии кантовского идеализма как теории *являющегося* (*appearing-theory*), которую я в основном использую в этой статье; в) в терминах теории *явлений* (*appearance-theory*)⁷. Как его ни представляй, кантовский идеализм — это идеализм особого сорта. В отличие от Беркли, Кант признает существование независимых от познания вещей в себе, а не выступает за трансцендентальный идеализм на основании того, что непосредственные объекты нашего опыта являются репрезентациями. Вместо этого главный (и лучший) аргумент в пользу идеализма можно обнаружить в В-издании, в трансцендентальной экспозиции пространства (В 40–41 и А 46–48 / В 64–66): это так называемый «аргумент от геометрии». Мы знаем, полагает Кант, а priori необходимые истины евклидовой геометрии о пространстве и внешних объектах, которые мы можем познать⁸. Единственное объяснение нашей способности познать эти истины заключается, согласно Канту, в том, что сами объекты «должны соответствовать нашему познанию» в смысле его коперниковской революции. Это значит, что объекты как объекты познания должны быть таким образом структурированы нашим рассудком, чтобы эти истины содержались в них. Более того, пространство и время сами должны быть структурами, существующими только в сознании (как формы внешнего и внутреннего чувства), что и делает возможным структурирование объектов.

Таким образом, для Канта дело обстоит не так, что объект познания существует сам по себе в пространственно-временной форме и затем (в той степени, в какой мы его познаем) проходит через ментальные фильтры, позволяющие нам познавать его, в то время как другие, не пространственно-временные объекты, существующие сами по себе, не могут пройти через эти фильтры и стать познаваемыми. Скорее сами объекты познания в той пространственно-временной форме, в какой мы их знаем, представляют собой вещи, зависящие от познания. Они суть вещи, априори познаваемая пространственно-временная структура которых является продуктом их структурирования формами внешнего и внутреннего чувства нашего сознания. Структурирование протекает таким образом, что эти объекты в тех формах, в которых мы их знаем, существуют только «в сознании»⁹. Таким образом, для Канта эпистемологический факт о форме априорного знания,

---

⁷ В теории *являющегося* объект существует сам по себе как непознаваемый, вне пространства и времени. Этот самодостаточный объект является нам в созерцании. Мы имеем знание о самом этом являющемся объекте, а не о некоей его репрезентации или о его явлении (В XXVII; А 42 / В 59; В 69; Прологомены, §13, сноска I). Напротив, в теории *явлений* внепространственный и вневременной объект генерирует в сознании некую репрезентацию или созерцание этого объекта. Мы познаем как объекты эти (синтетические) репрезентации, эти явления воздействующих на сознание вещей (А 45 / В 62; А 391; В 164). Я не хочу сейчас касаться различий между теорией *являющегося* и теорией явления, но о них следует помнить. См. подробности (и отсылки к работам Г. Причарда и Стивена Ф. Баркера (H. A. Prichard, Stephen F. Barker), впервые использовавших это различие при интерпретации Канта) в моих работах: (Howell, 1992; 1979; 2008).

⁸ Кант предлагает схожую аргументацию относительно идеальности времени и временных объектов (В 47–49). У него есть также иные аргументы в пользу идеализма (например, в метафизической экспозиции пространства и времени), но они не такие строгие, как данный аргумент. В части третьей я говорю о непрямом аргументе, вытекающем из дискуссии в разделе о трансцендентальной ангиномии.

⁹ См., например: (А 26 / В 42; А 48–49 / В 66).

которым мы обладаем, вызывает (с учетом его других предпосылок) метафизическое заключение об объектах этого знания a priori, а именно трансцендентально-метафизический взгляд на них.

III. Проблемы, связанные с понятием о вещи в себе

Предыдущий аргумент в пользу трансцендентального идеализма необычайно интересен. Ниже я вернусь к вопросу о его непротиворечивости (soundness). Однако следует отметить, что трансцендентальный идеализм, который он обосновывает, вызывает серьезные проблемы касательно вещей в себе. Эти проблемы привели к тому, что многие исследователи кантовской теоретической философии не смогли ее принять в той форме, в какой ее изложил сам Кант. Хочу отметить, что проблемы, о которых идет речь, затрагивают не только понятие о вещи в себе — вещи, которая существует в соответствии со своей собственной природой, вне зависимости от действительного или возможного ее познания разумом. Есть множество причин в поддержку того, что любое адекватное познание должно принять наличие таких вещей¹⁰. И если игнорировать наложенные Кантом рамки, то кажется вполне возможным понять, как мы можем познавать такие вещи, по крайней мере эмпирически. Их простая независимость как существующих от когнитивных состояний, посредством которых они познаются, на первый взгляд препятствует нашему познанию их как имеющих различные свойства сами по себе, например массу. Для Канта, однако, сложность возникает, когда мы спрашиваем о том, как мы можем иметь априорное синтетическое знание о таких вещах. Кант считает свой идеализм единственным способом разрешения этих трудностей — для него такое познание a priori не относится к вещам в себе. Проблемы с вещами в себе появляются, поскольку этот идеализм ведет Канта к непоследовательным результатам о них, к результатам, которые, как кажется, не имеют удовлетворительного решения, если оставаться в рамках этого идеализма.

Есть три группы таких проблем:

1. Проблема непознаваемости. Если принять кантовский идеализм, любой объект, который мы можем познать, представляет собой зависимое от этого познания явление. Следовательно, мы не можем знать вещи в себе (A 30 / B 45 и др.). Однако, как Якоби указал уже в 1787 г., кантовское обоснование этого заключения кажется основанным на утверждении об объектах в себе, воздействующих на наш разум в себе, о синтезе и других внутренних механизмах нашего рассудка в себе и т. д.

2. Проблема ноуменальной аффектации и применения категорий. Кант описывает вещи в себе как существующие и воздействующие на наш рассудок ноуменальным путем. Таким образом оказывается, что он приме-

¹⁰ Невозможно адекватное рассмотрение познания, которое не принимало бы существование вещей самих по себе в указанном смысле. Такая позиция правильна, если это — объект познания, сам обладающий таким существованием (даже если, согласно такому пониманию, этот объект не познан таким, как он есть в себе). Такая позиция также верна, если речь идет о познающем разуме, который существует таким образом (например, в учении таких «эмпирических идеалистов», как Беркли). Более того, в случае кантовских «существ подобных нам» нет причин предполагать бесконечный регресс, касающийся сущностей, когнитивно зависящих от других таких сущностей. Важная часть глубокого понимания Канта состоит в признании того, что он принимает базовую идею об объекте как существующем (даже если он и непознаваем) сам по себе. См. также: (Van Cleve, 1999, гл. 10).

няет к таким вещам категории существования и причинности (основания). Однако его предыдущее заключение предполагает, что мы не можем знать вещи в себе посредством категорий.

3. Существование вне пространства и времени и проблема отрицания альтернативы. «*Достоверно известно*» («ungezweifelt gewiß»), заявляет Кант, что вещи в себе существуют вне пространства и времени (А 48–49 / В 66, усовершенствованный перевод Гайера и Вуда, курсив мой. — Р.Х.). Кажется, что здесь он снова разрушает свое собственное положение о том, что наше познание ограничено познанием явлений. Эти заявления (как и его аргументы в пользу идеализма в трансцендентальной эстетике) ведут также к проблеме «отрицания альтернативы», сформулированной Писториусом (Pistorius) и позже Тренделенбургом (F. A. Trendelenburg). Данная проблема состоит в том, что даже если, с учетом кантовской аргументации, мы можем иметь знание только о пространственно-временных явлениях, то все же нельзя исключить того, что вещи сами по себе также могут обладать пространственно-временными характеристиками.

Строго кантианским, философски удовлетворительным решением этих проблем было бы решение, остающееся в рамках критической системы Канта, а не радикально ее модифицирующее, и само по себе философски убедительное. Как я отметил в одной моей работе (Howell, 2014), такое решение должно удовлетворять трем условиям: 1) оно должно быть резонно справедливым по отношению в позиции Канта; 2) оно должно рассматривать его взгляды как внутренне непротиворечивые (а большинство его аргументов — как значимые); 3) оно не должно основываться на философски необудительных предположениях. В этой работе я утверждал, что сейчас нам не хватает полностью удовлетворительного решения этих проблем, которое отвечало бы сформулированным выше условиями и, таким образом, было бы строго кантианским, хотя (как я покажу ниже) остается возможность найти решения этих проблем, реконструируя теорию Канта и отказываясь при этом от ключевых идей, которые сам Кант принимал. Следующий мой шаг будет состоять в том, что я укажу на отсутствие строго кантианского, философски удовлетворительного решения проблем о вещах в себе. Поскольку я уже высказывал эти соображения, я позволю себе просто суммировать их, дополнив новыми идеями.

Четыре тишичных решения проблемы вещей в себе

Интерпретация трансцендентального идеализма, о которой я говорил выше, — традиционная онтологическая, согласно которой вещь в себе есть сущность, имеющая независимое от познания существование, сущность, которая в некоторых случаях может появляться в сознании. Как я отмечал в моих работах, эта интерпретация уходит своими корнями ко времени жизни Канта и, похоже, он принимал ее¹¹. Такое решение корректно по отношению к тексту и фокусируется на философском сердце обычного понятия о вещи в себе, коротко обрисованного в начале третьей части.

---

¹¹ Например, в своем письме Мендельсону от 16 августа 1783 г. Кант подчеркивает, что одно из важнейших положений первой «Критики» состоит в том, что может существовать множество объектов, существующих в себе, которые не являются нам (АА, X, S. 346). См. также текст, процитированный в моей работе (Howell, 2014), сноска 4.

Решение Стросона.

Стросон (Strawson, 1966) считает, что Кантов идеализм (прочитанный в онтологическом ключе) основывается на неверных (unsound) аргументах и потому ведет к указанным выше проблемам. Однако многие из глубоких кантовских положений (например, о единичности пространства или основные положения трансцендентальной дедукции) могут быть спасены независимо от его идеализма. Итак, мы должны отказаться от идеализма и сфокусироваться на этих положениях. Повторим, согласно Стросону, приверженность Канта идеализму отягощает его теорию неверными аргументами и нерешаемыми проблемами. Взгляд Стросона на кантовский идеализм правилен, ведь очевидно, что Кантовы аргументы в пользу трансцендентального идеализма (проинтерпретированные онтологически) противоречивы¹².

Среди прочего (а) «аргумент от геометрии» обращен к тому, что оказывается ложной предпосылкой, а именно — что нам а priori известны евклидова геометрическая структура (или другая геометрическая структура) пространства и пространственных объектов — физического пространства и окружающих нас объектов. Более того, этот аргумент сам по себе не исключает простой, отрицаемой альтернативной возможности, что объекты на самом деле, возможно, существуют сами по себе в непознаваемых пространственно-временных формах. К тому же этот аргумент допускает более строгую форму такой возможности, а именно — что имеется экстерналистское, необходимое соответствие (attunement) между пространственно-структурированными вещами в себе и нашим внешним опытом восприятия этих вещей как пространственно структурированных, дающее знание. Если такое соответствие существует, то, благодаря нашему внешнему опыту, мы можем знать такие вещи в пространственных структурах, которыми они обладают сами по себе¹³. Такое соответствие может показаться *ad hoc* или невероятным¹⁴, но ведь предполагается, что «аргумент от геометрии» полностью априорен и представляет собой надежный аргумент в пользу

¹² Как я показываю ниже, эти аргументы включают в себя или ложные посылки, или логически неверные выводы, или и то и другое. Поэтому они противоречивы в логическом смысле. Об этом можно спорить, но я думаю, что это так. Многие известные аналитические исследователи Канта с разных сторон поддерживают эту точку зрения (см. сноску 5). В рамках данной статьи невозможно исследовать подробно эту тему. Интересующиеся этой дискуссией могут почитать работы Стросона, Беннета, Гайера, мои, Ван Клива и Вестфала.

¹³ Мы не можем просто заключить, что поскольку мы посредством внешнего чувственного восприятия обладаем априорным знанием пространственной структуры явлений, то эта пространственная структура также независимо от нас принадлежит вещам в себе. Вывод заключается в том, что если бы существовало вышеуказанное соответствие, то посредством внешнего опыта мы бы действительно познавали вещи в себе как имеющие ту пространственную структуру, которой они реально обладают.

¹⁴ Ср. кантовскую критику «системы преформации чистого разума» (В 167–168). Здесь Кант предполагает, что такое соответствие не будет поддерживать необходимость категорий (и если эти комментарии применить к нашему знанию о пространственной геометрии, то и необходимость евклидовой геометрии). Однако, если это соответствие понимать так, что наше знание представляет собой зеркало (метафизически необходимым образом) и отражает структуру вещей в себе, и ничто в аргументе от геометрии не исключает такой возможности, то экстерналистская аргументация допускает возможность, которую я предлагаю.

трансцендентального идеализма (см. комментарии во второй части об априорном статусе трансцендентального знания у Канта). Как кажется, никакая чисто априорная аргументация не исключает, что описанная ситуация действительно *ad hoc* или невероятна.

(б) Кант показывает в разделе об антиномиях чистого разума, что если допустить, что пространство и время, относящиеся к объектам, как объекты суть вещи в себе, то возникают противоречия. Например, мир предстает в пространстве и времени как конечный и в то же время как бесконечный. Отсюда следует ложность такого допущения и необходимость признания трансцендентального идеализма: пространство и время не относятся к объектам, ибо такие объекты — это вещи в себе. Кант считает, что этот второй, косвенный аргумент в пользу идеализма является значимым и неопровержимым (см., например, А 490 / В 518ff.; А 506—507 / В 534—553). Однако этот аргумент также неудачен, так как антиномии доказывают (будучи основанными на указанных выше предпосылках), что противоречивые тезис и антитезис оказываются недействительными¹⁵. Если исходить из этого и учитывать проблемы, вызванные кантовским идеализмом, то интерпретация Стросона кажется привлекательной. Однако, отказываясь от трансцендентального идеализма — центрального положения критической философии, такая интерпретация оказывается не строго кантовской, поэтому критики стросоновского изложения Канта, в том числе Эллисон (Allison), не заставили себя ждать.

Решение Лэнгтон.

Рэй Лэнгтон (Langton, 1998) полагает, что вещи в себе — это вещи со своей характерной, внереляционной природой. По ее мнению, согласно Канту, мы не можем знать вещей в себе, так как мы знаем объекты лишь постольку, поскольку они причинно воздействуют на нас, и причинные отношения не редуцируются к собственным свойствам предметов. (Мы можем тем не менее знать, что вещи существуют в себе и имеют данные свойства.) Такой подход позволяет избежать указанных выше проблем, но он противоречит основным текстам, утверждающим трансцендентальный идеализм (например, «аргумент от геометрии»), которые не допускают вещей в себе в смысле Лангтон.

Решение Эллисона.

Эллисон предлагает иное решение (Allison, 2004): он соглашается с тем, что указанные проблемы являются следствием традиционной, онтологической интерпретации вещей в себе. Но считает, что для Канта вещь в себе — это просто обычный объект познания, рассматриваемый в отрыве от его априорных, необходимых условий, таких как время и пространство. Согласно ему, существует только один класс объектов, рассматриваемых с различных точек зрения; никакого когнитивно недоступного царства независимых от познания сущностей, которые существуют наряду с когнитивно доступным царством кантовских феноменальных объектов, нет¹⁶.

¹⁵ Здесь я напоминаю о положениях, детально обсужденных (и кажущихся мне убедительными) в аналитической литературе. См., например, анализ первых двух антиномий у Стросона (Strawson, 1966) и Ван Клива (Van Cleve, 1999), основывающихся на вышеуказанных предпосылках.

¹⁶ Такого типа взглядов придерживались еще Бек и Фихте. Сегодня их приверженцами являются, например, Герольд Праус (G. Prauss) и Артур Мельник (A. Melnick).

Позиция Эллисона поднимает ряд ценных вопросов, но в плане экзегезы она неадекватна. Кант признает, что есть вещи в себе, которые не являются посредством чувственности и неизвестны для нас. Таким образом, Эллисон не прав, предполагая, что понятие о вещи в себе для Канта просто понятие об обычном объекте, являющемся для нас в пространственно-временной форме и рассматриваемом в отрыве от соответствующих этому объекту априорных, необходимых условий его познания. Такое эпистемологическое понимание вещи в себе исключает возможность вещей в себе, которые не являются нам¹⁷. Эллисон не принимает также «аргумент от геометрии». Помимо этого, как отмечалось многими критиками его теории, его позиция основана на ошибке: предположим, что я рассматриваю пространственно-временной объект в отрыве от удовлетворяющих ему необходимых пространственно-временных условий познания и, таким образом, рассматриваю его как «вещь в себе» (согласно Эллисону). Из этого, однако, вовсе не следует, что я позитивно рассматриваю этот объект (эллисоновскую вещь в себе) вне пространства и времени¹⁸. Отсюда очевидно, что Эллисон не дал удовлетворительного решения проблемы вещи в себе.

Решение Хогана: обращение к практической философии Канта.

На протяжении лет исследователи апеллировали к роли вещей в себе (понятых в традиционной онтологической манере как независимые от познания) в практической философии Канта с тем, чтобы избежать проблем, связанных с ними. Работая в этой традиции, Десмонд Хоган (Hogan, 2009a, b, c) предложил одно из лучших рассуждений на данную тему. Он сконцентрировался на идее (обнаруженной как у Канта, так и у его предшественников) о том, что свойства непознаваемы a priori не в силу ограниченности наших познавательных способностей, а в силу того, что они недостаточно детерминированы в их основаниях, посредством которых они могут быть познаны. Знание о вещи посредством такого основания есть априор-

¹⁷ Хочу заметить следующее. 1. Как я показал в сноске 11, Кант во многих местах подчеркивает существование вещей в себе, которые нам не являются в познании. 2. Нет текстуального подтверждения для идеи, что Кант, выражаясь двусмысленно: а) понимает вещи в себе в эпистемологическом смысле Эллисона, говоря о вещах в себе как коррелятах явлений для нас в процессе нашего познания, и, б) говоря о вещах, существующих в себе, но не являющихся нам, дает отчетливое метафизическое понимание этого высказывания. Разумеется, что такая двусмысленность создает множество философских проблем. Так, Кантово предположение, что сущность в себе, лежащая в основании нашего духа, может быть идентичной сущности в себе, лежащей в основании нашего тела (В 427–428; А 358–360, А 379–380), имеет смысл, только если выражение «в себе» здесь получит метафизическую интерпретацию, противоположную тому, что должна предполагать указанная выше идея при условии, что дух и тело — это вещи, являющиеся нам. В целом можно сказать, что если Кант принимает «вещь в себе» в метафизическом смысле, то он тем самым предоставляет достаточно концептуальных средств, чтобы выдвинуть, наряду с другими, версии решения проблем непознаваемости и ноуменальной аффектации, как, например, в третьей части. 3. С учетом теории являющегося Кант, конечно же, согласился бы с тем, что класс вещей в себе можно разделить на две группы: на сущности, которые, существуя в себе, являются нам в пространственно-временной форме, и сущности, которые, существуя в себе, не являются нам и непознаваемы для нас (бог, например, в его теории). Однако такая метафизическая позиция (версия интерпретации явлений как двух аспектов) неприемлема для Эллисона.

¹⁸ См. мои работы (Howell, 1992; 2014), а также критику взглядов Эллисона — например у Гайера (Guyer, 1987) и Ван Клива (Van Cleve, 1999).

ное знание этой вещи «через основание» (в противоположность другой кантианской идее о том, что априорное познание является доопытным). Хоган не пыгается защищать философскую убедительность всех кантовских идей, но хочет показать, оставаясь преданным взглядам Канта, что его рассуждения о вещах в себе верны и непротиворечивы. Например, в случае с проблемой пространственно-временной структуры вещей в себе и «отклоненной альтернативы» Хоган использует аутентичные положения Канта в своей аргументации. Пространство не может принадлежать какой-либо одной вещи в себе, не принадлежа всем вещам в себе. Но возможность применять математику к пространству обусловлена тем, что причинный детерминизм затрагивает все пространственные вещи. Тогда все пространственные вещи можно познавать априори посредством их причинно детерминирующих оснований. Существование «в себе» причинно недетерминированных свободных актов воли, которые тогда не могут быть познаны, показывает, что не все вещи в себе являются пространственными. Отсюда следует, что пространство не принадлежит к вещам в себе. Тогда оказывается, что у Канта есть логически корректный аргумент для того, чтобы исключить «отклоненную (neglected) альтернативу».

Своими рассуждениями Хоган открывает новую эру в кантоведении. Он показывает, что не следует понимать Канта как неверно обсуждающего проблему понятия «в себе», что часто допускается. Несмотря на все заслуги Хогана, я не думаю, что он смог дать строго кантианское, философски удовлетворяющее решение обозначенных выше проблем. Так, его аргумент от свободной воли, хотя и выведенный из рассуждений Канта, не встречается в кантовских основных доказательствах трансцендентального идеализма (например, в «аргументе от геометрии»), и я не знаю, где у Канта вообще встречаются аргументы подобного рода. Более того, нет однозначных подтверждений, что Кант разделял бы такого рода взгляды. К тому же многие из используемых Хоганом в его доказательствах допущений, которые он атрибутирует Канту, например положения о пространстве, математике, вещах в себе и причинной детерминированности, спорны. В конечном итоге (в дополнение к моим старым комментариям к работам Хогана (Hogan, 2014)) этот аргумент, по всей видимости, не решает проблемы «отклоненной альтернативы». Из кантовской предпосылки, что математика предполагает детерминизм, можно только заключить, что вещи в себе причинно детерминированы в отношении любых пространственных свойств, которыми они могут обладать. Однако если мы исходим из дуалистической картины свойств, которую подход Хогана, как мне кажется, не исключает, то этот вывод позволяет допустить возможность того, что все объекты, существующие сами по себе, обладают причинно детерминированными пространственными свойствами, даже если некоторые из них также обладают пространственно недетерминированными ментальными свойствами (например, свободным выбором воли). Таким образом, подход Хогана не обезоруживает положение об «отклоненной альтернативе». Необходимы дополнительные дискуссии, и я боюсь, что приведенный аргумент Хогана окажется недействительным¹⁹.

---

¹⁹ Возможно, что Хоган исключает ситуацию дуализма свойств, на которую я указал, но я не понимаю, как можно это сделать, если не атрибутировать Канту взгляды на понятие «в себе», которые Хоган (и Кант) не могут безоговорочно защитить или которые философски несостоятельны.

IV. Рекомендации и заключение

Хоган сделал большой шаг вперед в понимании проблем вещей в себе. Однако он не дал решения этих проблем в строго кантовском ключе, что необходимо для того, чтобы отстоять основную линию критической философии так, как Кант сам ее представлял. Можно все же думать, что такая защита возможна, но я сомневаюсь в том, что решение можно найти в полном соответствии с кантовской манерой.

Рекомендации

Что нам следует делать перед лицом такого сомнения, если мы надеемся не просто понять кантовскую теоретическую философию аналитически ясным способом, но и открыть базовые философские истины, на которые Кант указал в своем гениальном труде? Можно предложить несколько рекомендаций. Во-первых, следует просто отказаться от кантовского трансцендентального идеализма, по крайней мере в той форме, в которой он его представляет, и попытаться разработать неидеалистическую версию центральной части его работы. Этот проект уже оправдал себя в современных дискуссиях по поводу трансцендентальной дедукции категорий, аналогий опыта, самосознания, понимания Кантом науки и т.д.²⁰. Его следует продолжить.

Во-вторых, хотя я не думаю, что это можно осуществить в кантовских терминах, но его собственная форма трансцендентального идеализма заслуживает такого же детального развития, как и названные выше темы. Недавно опубликованные в этом ключе работы уже появились и должны получить дальнейшее развитие²¹. Помимо этого, среди вопросов, которые я не обсуждал выше, есть три проблемы, о которых я писал в связи с кантовской трансцендентальной дедукцией и артикулировал в моей работе (2008)²². Эти проблемы также заслуживают дальнейшего исследования.

В-третьих, разумеется, остается также открытой возможность для квазикантовской реконструкции или ревизии кантовского трансцендентального идеализма. Как я указал выше, априорная версия, которую представлял сам Кант, оказывается неубедительной (хотя и глубокой) и не может быть принята в силу отсутствия достаточных оснований для этого. Однако пересмотренная форма кантовского идеализма может оказаться достойной защиты. Такой идеализм может быть развит как часть уже начатого различными философами, например Патрицией Китчер²³, проекта, для того чтобы интегрировать теоретическую философию Канта в современную ко-

²⁰ См. также мою работу: (Howell, 2004, p. 126).

²¹ Например, работа Люси Эллайс (Allais, 2015), которая последовала за моей работой (Howell, 2014). Ее интерпретация явлений как — если выразиться в самых общих чертах — объектов, имеющих сущностно манифестированные свойства, заслуживает подробного анализа, который я надеюсь сделать позже. Хотя я полагаю, что и ее работа не дала окончательного разрешения проблемы вещи в себе и не разделяю всех ее взглядов, но ее интерпретация представляет эту тематику в совершенно новом свете.

²² См. также: (Howell, 1979).

²³ См.: (Kitcher, 1990; 2011), а также: (Brook, 1994).

гнитологию. Такой идеализм может дать возможность для детального познания объектов самих по себе (например, мы можем иметь знания о базовой физической микроструктуре мира). Но этот идеализм должен рассматривать разнообразные культурные и чувственно воспринимаемые объекты, которые нас окружают, как часть (и только часть) общественных, когнитивно-зависимых чувственных и идеальных структур, в терминах которых мы познаем мир и действуем в нем. В этой связи стоит упомянуть идею Селларса о «манифестированном имидже», об имидже, который основан на научном имидже мира, но отличается от него. Подобные идеи заслуживают развития.

Несколько замечаний об идеях Ханна, Соболевой и Катречко

Многие философы создали интересные реконструкции теоретической философии Канта. Среди них участники упоминавшегося выше международного семинара в Москве — Р. Ханна, М.Е. Соболева, С.Л. Катречко²⁴. Эти авторы не предлагают того, что я называю строгом кантианским решением проблемы вещи в себе. Как я отметил выше, реконструкция Канта заслуживает большого уважения, так как его работа инновативная, но непоследовательная. Поэтому, разрабатывая его взгляды, необходимо устранить эти непоследовательности, подчеркивая значение одних идей и изменяя или отказываясь от других. Эти новые интерпретации могут не совпадать с позицией самого Канта, поэтому в таком случае нежелательно представлять себя как защитника взглядов Канта, защищая при этом свою собственную ревизию его взглядов.

Например, Р. Ханна в начале своей статьи подчеркивает, что он нашел возможное решение на поставленный мной вопрос о вещи в себе. Однако, изложив свой подход, он заключает в конце статьи, что с учетом его интерпретации «мы могли бы все же с уверенностью принять, что Кант рационально *должен был* придерживаться этих взглядов, а также что их конъюнкция конституирует философски состоятельную и узнаваемо кантианскую, по крайней мере современную кантианскую, философскую теорию» (Ханна, 2017, с. 65). Эти предложения ясно свидетельствуют о том, что Ханна дал радикальную реконструкцию собственных взглядов Канта, а не вариант строго кантианского подхода, и я сомневаюсь в том, что таковой вообще может быть предложен²⁵.

Как бы то ни было, я считаю, что подход Ханна отличается от подхода Канта по ряду существенных пунктов. Он стимулирует, но, по моему мне-

---

²⁴ См. их статьи в рамках данной дискуссии: (Ханна, 2017; Катречко, 2017; Соболева, 2017). Позицию Соболевой я комментирую, опираясь главным образом на ее статью «Требуется ли созерцание, чтобы мыслить?» (Soboleva, 2016).

²⁵ В моей работе (Howell, 2014) я не провел отчетливых различий между Кантовым решением проблем вещи в себе и разрозненными реконструкциями этой проблемы, предложенными Ханна и другими исследователями. За недостатком места я исходил из того, что можно устранить одни положения Канта и подчеркнуть другие. Мой фокус был сосредоточен на том, чтобы оставаться как можно ближе к взглядам Канта и тем не менее избежать возникающих при этом проблем. Разумеется, граница между строгим и реконструктивным прочтением не жесткая и, повторяю, я не против реконструкций. Но я думаю, что если они изменяют первоначальную позицию Канта — а я полагаю, что Ханна провел такие изменения, — то их не следует представлять как защиту собственной позиции Канта.

нию, он во многом философски неубедителен. За недостатком места я не могу дать оценку всем положениям Ханна (впрочем, они обобщают его предыдущие реконструкции, не изменяя их значительно). Тем не менее, что свидетельствует о его приверженности взглядам Канта, (а) Ханна в своей статье нигде эксплицитно не говорит о том, что Кант считает вещь в себе. Ранее он идентифицировал вещь в себе с «позитивными ноуменальными объектами рассудка... такими, что если бы они существовали, то они не обладали бы эмпирическими, пространственно-временными свойствами и были бы конституированы за счет характерных для них, внереляционных свойств» (Ханна, 2017, с. 52). Кажется, что эта характеристика перепутала кантовское понятие ноумена в негативном смысле как вещи такого сорта, которую, как Кант считает, наш рассудок *должен* мыслить²⁶, с чем-то вроде кантовского понятия ноумена в позитивном смысле — понятия, которому, как Кант полагает, мы не можем придать никакого конкретного смысла; это понятие объекта, раскрытого для нас в его детерминированной природе и сущности благодаря особой форме интеллектуальной интуиции (см.: (В 306—307)). Такая характеристика также приписывает вещам в себе, по определению, такие черты (например, бытие вне пространства и времени), о которых Кант позже рассуждает в трансцендентальной эстетике и диалектике, а не считает, что они относятся к вещам в себе по определению.

(б) Во всех своих работах Ханна считает, что Кант защищает радикальный агностицизм в отношении вещей в себе: «мы... знаем априори, что мы не можем знать ни природу вещей в себе, ни того, существуют ли они... мы не можем также познать... никаких фактов о вещах в себе или их противоположностях» (Ханна, 2017, с. 53). Он также признает методологический элиминативизм относительно таких вещей: «...для конструктивных целей реальной метафизики мы можем... полностью игнорировать» вещи в себе (Ханна, 2017, с. 62). Эта сложная тема, но, по всей видимости, предложенное прочтение игнорирует то, что Кант в теоретической части своей критической философии подчеркивает необходимость принять вещи в себе²⁷.

Оно также игнорирует тот факт, что трансцендентальная эстетика, как кажется, ясно отрицает то, что пространство и время относятся к вещам в себе, и это отрицание — часть того, что Кант считает нашим трансцендентальным познанием априори (как я подчеркнул выше), априорным познанием второго порядка источников, доменов и границ нашего априорного познания первого порядка. Как я уже сказал, этот факт противоречит кантовским положениям о непознаваемости вещей в себе. Избежать его, просто отрицая, что такие вещи — часть трансцендентального познания (что Ханна, по всей видимости, делает), значит радикально изменить взгляды Канта в его первой «Критике». В результате мы не имеем строго кантовского решения проблемы вещей в себе²⁸.

²⁶ Ноумен в негативном смысле есть просто «вещь, поскольку она не есть объект нашего чувственного созерцания» (В 307).

²⁷ См., например, В 308: «чувственно воспринимаемым объектам несомненно соответствуют умопостигаемые сущности»; В XXVI—XXVII: «бессмысленное положение, согласно которому явление существует без того, что через него является... с необходимостью проведенное различие вещей как предметов опыта и как вещей самих по себе». Ср. также «Пролегомены» с апелляцией к существованию вещей в себе с тем, чтобы отличить кантовский идеализм от идеализма Беркли.

²⁸ Меня также удивляют замечания Ханна о непредикативности. Он использует Канта как защитника аргументов о том, что различные неправильно построенные

К тому же можно поставить под вопрос философскую убедительность отдельных частей реконструкции Ханна. Возьмем один пункт: Ханна считает, что кантовские явления с необходимостью соответствуют неэмпирическим структурам наших врожденных когнитивных способностей и, следовательно, являются зависящими от сознания. Но такой вид зависимости, как кажется, не влечет за собой экзистенциальную зависимость явлений от познания, что принимает сам Кант²⁹. Пока мы не примем такую зависимость в дополнение к взглядам Ханна, его позиция будет оставаться сомнительной в отношении действительных объектов человеческого познания. Так, это тривиальная истина, что необходимо, (если я знаю стол напротив меня, чтобы этот стол удовлетворял когнитивным условиям, необходимым для того, чтобы я мог его познать). Но это вовсе не тривиальная истина — и на самом деле кажется ложным — что если я знаю стол напротив меня, то необходимо, (чтобы этот стол удовлетворял условиям, необходимым для того, чтобы я мог его познать). Если мы не примем экзистенциальной зависимости стола и его природы от моего познания, то не кажется метафизически невозможным, чтобы стол (или мой когнитивный аппарат) изменился таким образом, чтобы он не смог стать непознаваемым для меня. Отрицание такой возможности (без дальнейшего и эмпирического аргумента) не является философски убедительным.

Ханна написал много стимулирующих работ, проливающих ценный свет на кантовские идеи. Его реконструкции узнаваемо кантианские, и стоит подчеркнуть тот успех, с которым они пытаются избежать традиционных проблем, связанных с вещами в себе. Однако Ханна не смог показать, что

тотальности включают в себя порочные непредикативности, генерирующие парадоксы. Однако Кант предлагает множество метафизических и эпистемологических обоснований для тезиса и антитезиса в математических антиномиях (что здесь наиболее релевантно). Он никогда не аргументирует просто, что, например, на основании одного лишь определения понятие «мир» само по себе еще не приводит к противоречию, как это происходит со множествами Рассела. Его диагноз первой антиномии как частично основывающейся на невозможности целостной данности мира в синтезе (А 504–505 / В 532–533) действительно можно применить к дурным непредикативным бесконечностям, что в итоге демонстрирует Ханна. Но кантовское обсуждение антиномий подключает много тем помимо этой невозможности, к тому же Кант нигде не затрагивает идею непредикативного определения (такого, когда некоторая часть проводимого рассуждения сама рассматривается как объект рассуждения). Отрицание Кантом того, что «если дано обусловленное, то вместе с тем дан и весь ряд подчиненных друг другу условий» (А 307–308 / В 364), по-видимому, также отличается от того, что согласно Ханна является кантовским отрицанием трансцендентального непредикативного обоснования (см. его описание последнего).

²⁹ Ханна не объясняет его понятие необходимого соответствия (или того, в каком смысле релевантные структуры являются неэмпирическими). Но моя позиция оказывается правильной, если это соответствие допускает вид некантианской теории, упомянутой во второй части моей статьи. Кроме того, если отношение соответствия, о котором пишет Ханна, симметрично и такое соответствие не влечет за собой экзистенциальную зависимость явлений от сознания, то возможно, что идею необходимого соответствия можно принять, если, скажем, явления, во-первых, существуют независимо от познания и, во-вторых, когнитивные структуры нашего духа созданы таким образом, что они необходимо соответствуют структурам этих явлений. Однако такая возможность аннулирует коперниканскую революцию Канта.

мои сомнения по поводу возможности найти строго кантианский путь их разрешения, необоснованны. Он значительно изменяет собственную позицию Канта, и не все его выводы кажутся философски убедительными.

М. Соболева в той работе, которую я назвал выше, доказывает в тонкой, рефлексивной манере необходимость созерцаний (в кантовском смысле) для нашего мышления об объектах. Вместе с этим она предлагает собственный вариант, как можно избежать проблем, связанных с вещами в себе. Как и работы Ханна, ее размышления отражают то, что эти проблемы занимали ее на протяжении долгого времени. Многие из ее положений интересны, и я согласен со многим (хотя и не со всем) ею сказанным. Но в рамках данной статьи я сфокусируюсь только на значении ее идей для моего утверждения о том, что строго кантианское решение проблемы вещей в себе невозможно. С этой точки зрения работа Соболевой тоже представляется квазикантианской реконструкцией, которая значительно модифицирует собственные взгляды Канта. Я также подозреваю, что, несмотря на эти модификации, проблемы с вещами в себе остаются.

Отмечу два пункта:

1. В своей работе Соболева считает, что возможность, содержащаяся в так называемой «отклоненной альтернативе», утверждающей, что вещи в себе могут иметь пространственно-временную структуру, нерелевантна с точки зрения кантовской трансцендентальной постановки вопроса. На это можно возразить, что Кант сам ясно занимает сходную позицию по вопросу о категориях (В 167–168, «система преформации»), для того чтобы представить возражение, непосредственно относящееся к его трансцендентальному идеализму, возражение, на которое, как он полагал, он дал ответ. Тот простой факт, что внешние объекты для нас всегда имеют пространственно-временную структуру, что подчеркивает Соболева, не исключает «отклоненную альтернативу» и те проблемы, которые она создает для Канта. Если же это так, то объекты, всегда имеющие для нас пространственно-временные характеристики, могут оказаться в действительности вещами в себе. И тогда трансцендентальный идеализм в той форме, как понимал его сам Кант, оказывается опровергнутым.

2. Соболева предлагает рассматривать кантовскую аффектацию не как физическую причинность, а как основание в форме эвоцирования и координации психических процессов, холистически объединяющих Я и мир посредством форм чувственности. Эта идея интересна. Однако если даже принять ее реконструкцию, то все равно Кант довольно ясно допускает в качестве части трансцендентального познания, что вещь в себе воздействует на нашу чувственность, существующую в себе. Причем его утверждение о том, что существование такого процесса в себе можно познать, противоречит его же утверждению о непознаваемости вещей в себе. Эту проблему Соболева не решает и, таким образом, кажется, что она также только реконструирует его теорию.

С. Катречко в тех материалах, которые мне доступны, апеллирует к предложенной Фреге аналогии телескопа для описания кантовского идеализма: 1) луна (кантовская вещь в себе); 2) телескоп (наш когнитивный аппарат); 3) оптический образ луны, спроектированный на линзы телескопа (интерсубъективно доступный феноменальный объект); 4) ретинальный

образ (субъективный опыт нашего познания луны). Предлагаемая им аналогия полезна, но она также создает проблемы для Канта. Каким образом можно показать, что все мы, в рамках кантовского подхода, используем тот же самый «телескоп», то есть применяем один и тот же когнитивный аппарат «в себе» и поэтому дословно видим и познаем одну и ту же луну? Кроме того, у самого Фреге оптический образ — это не познавательный объект, будь он феноменальным или нет, а (так называемый фрегианский) смысл. Поэтому, хочет того Катречко или нет, неверно отождествлять кантовское явление с чем-то вроде *Sinn* (смысл), понимаемым как абстрактный детерминатор референции и когнитивной значимости.

Катречко делает ряд интересных предложений, но работа, которую я прочитал, не адресована напрямую проблеме вещей в себе, интересующей меня. Он концентрируется на различиях между онтологической и эпистемологической интерпретациями кантовского трансцендентализма. Последняя исследует условия возможности нашего априорного познания, и Катречко считает, что Кант придерживался преимущественно эпистемологической, а не онтологической интерпретации. Соответственно, он предполагает, что копернианская революция — это не идеалистический поворот от объекта к субъекту, а поворот от объекта к способу его познания.

С моей точки зрения, есть много возможных и несовместимых способов развивать генеральную копернианскую идею о том, что объекты должны соответствовать нашему познанию, а не наоборот. Но не все из этих способов (например, модель фильтра, о которой говорилось выше) включают экзистенциальную зависимость явлений и их природы от нашей когнитивной конституции, как считал Кант в своем трансцендентальном идеализме. Если Катречко отрицает этот факт (так же, как это делает Эллисон в своей эпистемологической интерпретации), то его интерпретация движется в направлении простой реконструкции, а не дает строго кантовского решения проблем вещей в себе.

Заключение

Все мы, и аналитические, и неаналитические философы, все еще живем в тени «Критики чистого разума». Это не обязывает нас ни отвернуться от шедевра Канта перед лицом хорошо известных трудностей, ни трансформировать его в объект немыслимого поклонения, защищаемый только особым образом. Я полагаю, что в рамках кантовской постановки вопросов проблемы вещей в себе неразрешимы. С учетом этого мы должны исследовать перспективы развития теорий в кантовском ключе, изменяя его собственные взгляды, например отказываясь от его формы идеализма. Мы, по всей вероятности, не продвинемся вперед — ни в плане экзегезы, ни в плане философии, — если будем стремиться защищать строго кантовское решение этих сложностей.

Перевод с англ. М. Е. Соболевой

Список литературы

1. Катречко С. Специфика кантовского трансцендентализма и его концепт вещи-самой-по-себе // Кантовский сборник. 2017. Т. 36, №4. С. 68–87.

2. *Соболева М. Е.* Аналитическое кантоведение, трансцендентальный идеализм и вещь в себе // Кантовский сборник. 2017. Т. 36, №4. С. 88–99.
3. *Ханна Р.* Кант, радикальный агностицизм и методологический элиминативизм относительно вещей в себе // Кантовский сборник. 2017. Т. 36, №4. С. 51–67.
4. *Хауэлл Р.* Кантовские предметы – проблемы и перспективы исследования // Кантовский сборник. 2008. Вып. 1 (27). С. 6–20.
5. *Allais L.* Manifest Reality. Oxford, 2015.
6. *Allison H.* Kant's Transcendental Idealism. New Haven, 2004 (1st ed. 1983).
7. *Brook A.* Kant and the Mind. Cambridge, 1994.
8. *Van Cleve J.* Problems from Kant. N. Y., 1999.
9. *Guyer P.* Kant and the Claims of Knowledge. N. Y., 1987.
10. *Hanna R.* Kant and the Foundations of Analytic Philosophy. N. Y., 2001.
11. *Hogan D.* How to Know Unknowable Things in Themselves // Noûs. 2009a. № 43. P. 49–63.
12. *Hogan D.* Noumenal Affection // Philosophical Review. 2009b. № 118. P. 501–32.
13. *Hogan D.* Three Kinds of Rationalism and the Non-Spatiality of Things in Themselves // Journal of the History of Philosophy. 2009c. № 47. P. 355–382.
14. *Howell R.* A Problem for Kant // Essays in Honour of Jaakko Hintikka / ed. by E. Saarinen et al. Dordrecht, 1979. P. 331–349.
15. *Howell R.* Kant's Transcendental Deduction. Dordrecht, 1992.
16. *Howell R.* The Conundrum of the Object and Other Problems from Kant // Kantian Review. 2004. Vol. 8. P. 115–136.
17. *Howell R.* Kant's Theoretical Philosophy – Recent Analytic Interpretations // Историко-философский альманах. 2007. Вып. 2. С. 100–114.
18. *Howell R.* Kant and Kantian Themes in Recent Analytic Philosophy // Metaphilosophy. 2013. № 44. P. 42–47.
19. *Howell R.* Things in Themselves: An Interim Report // XI Kant Readings. Proceedings of the International Kant Conference. Kaliningrad, 2014. P. 18–32.
20. *Kant I.* Critique of Pure Reason / transl. P. Guyer and A. Wood. N. Y., 1997.
21. *Kitcher P.* Kant's Transcendental Psychology. N. Y., 1990.
22. *Kitcher P.* Kant's Thinker. N. Y., 2011.
23. *Langton R.* Kantian Humility. N. Y., 1998.
24. *Parsons Ch.* Infinity and Kant's Conception of the 'Possibility of Experience' // Philosophical Review. 1964. № 73. P. 183–197.
25. *Soboleva M.* Braucht man Anschauung um zu denken? // Das Denken des Denkens. Ein philosophischer Überblick / Hrsg. M. Soboleva. Bielefeld, 2016. S. 87–112.
26. *Strawson P. F.* The Bounds of Sense. L., 1966.
27. *Wolff R. P.* Kant's Theory of Mental Activity. Cambridge (Mass.), 1963.

Об авторе

Роберт Хауэлл, доктор философии, заслуженный профессор департамента философии университета Олбани, США; профессор кафедры онтологии и теории познания Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: bobh@albany.edu; rhowell246@gmail.com

О переводчике

Майя Евгеньевна Соболева, доктор философских наук, приват-доцент Института философии Марбургского университета, Германия.

E-mail: soboleva@staff.uni-marburg.de

ANALYTIC WORK ON KANT – IDEALISM, THINGS IN THEMSELVES,
AND THE OBJECT OF KNOWLEDGE³⁰

R. Howell

The article sketches the development of Kant interpretation in analytic philosophy. The author turns to Kant's transcendental idealism and three well-known difficulties about things in themselves which Kant's idealism generates: problems about unknowability, noumenal-affection and category-application, and the neglected-alternative. Building on the work "Things in Themselves: an Interim Report" (XI Kant Readings, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, 2014), the author questions how far Kant's idealism can be accepted and these problems resolved in any way that (i) is reasonably faithful to Kant's texts, (ii) renders his position consistent (and his major arguments valid), and (iii) does not rest on premises that are themselves philosophically implausible. The author argues that these three desiderata are not met in any strictly Kantian and philosophically satisfactory way in the interpretations given by P. F. Strawson, Rae Langton, Henry Allison, and Desmond Hogan, among other analytic Kant scholars. It is unlikely that one can find any strictly Kantian, philosophically satisfactory resolution of the above problems. However, looser but philosophically valuable reconstructions of Kant's ideas are possible. The author also comments briefly on Robert Hanna's, Maja Soboleva's, and Sergey Katrechko's views on things in themselves. Finally, the author suggests several avenues that Kant scholarship might take, given this discussion.

Key words: problems about things in themselves, transcendental idealism, Kant in analytic philosophy, Kant's arguments for idealism

References

1. Katrechko, S. 2017, Specificika kantovskogo transcendentalizma i koncept «veshh'-sama-po-sebe» [The Specificity of Kant's Transcendentalism and Its Concept of the Thing-Itself], in: *Kantovskiy Sbornik [Kantian Papers]*. Vol. 36, no. 4, p. 68 – 87.
2. Soboleva, M. 2017, Analiticheskoe kantovedenie, transcendental'nyj idealizm i veshh' v sebe [Analytical Kant-studies, transcendental idealism and thing in itself], in: *Kantovskiy Sbornik [Kantian Papers]*. Vol 36, no. 4, p. 88 – 99.
3. Hanna, R. 2017, Kant, radikal'nyj agnosticizm i metodologicheskij jeliminativizm otnositel'no veshhej v sebe [Kant, Radical Agnosticism, and Methodological Eliminativism about Things-in-Themselves], in: *Kantovskiy Sbornik [Kantian Papers]*. Vol 36, no. 4, p. 51 – 67.
4. Howell, R. 2008, Kantovskie ob'ekty – problemy i perspektivy issledovanija [Kantian Objects – problems and perspectives of analysis], in: *Kantovskiy Sbornik [Kantian Papers]*, no. 27, p. 6 – 20.
5. Allais, L. 2015, *Manifest Reality*, Oxford.
6. Allison, H. 2004, *Kant's Transcendental Idealism*, New Haven (1st ed. 1983).
7. Brook, A. 1994, *Kant and the Mind*, Cambridge.
8. Cleve, J. van, *Problems from Kant*, N. Y., 1999.
9. Guyer, P. 1987, *Kant and the Claims of Knowledge*, New York.
10. Hanna, R. 2001, *Kant and the Foundations of Analytic Philosophy*, New York.
11. Hogan, D. 2009a, How to Know Unknowable Things in Themselves, in: *Noûs*, 43, p. 49 – 63.
12. Hogan, D. 2009b, Noumenal Affection, in: *Philosophical Review*, 118, p. 501 – 32.
13. Hogan, D. 2009c, Three Kinds of Rationalism and the Non-Spatiality of Things in Themselves", in: *Journal of the History of Philosophy*, 47, p. 355 – 382.
14. Howell, R. 1979, A Problem for Kant, in: E. Saarinen et al., eds., *Essays in Honour of Jaakko Hintikka*, Dordrecht, p. 331 – 349.
15. Howell, R. 1992, *Kant's Transcendental Deduction*, Dordrecht.

³⁰ The original English version of this essay is available from the author by e-mail.

16. Howell, R. 2004, The Conundrum of the Object and Other Problems from Kant, in: *Kantian Review*, vol. 8, p. 115–136.
17. Howell, R. 2007, Kant's Theoretical Philosophy – Recent Analytic Interpretations, in: *Istoriko-Filosofskiy Almanach [History-of-Philosophy-Yearbook]*, vol. 2, p. 100–114.
18. Howell, R. 2013, Kant and Kantian Themes in Recent Analytic Philosophy, in: *Metaphilosophy*, No. 44, Pp. 42–47.
19. Howell, R. 2014, Things in Themselves: An Interim Report, in: *XI Kantovskie chtenija: Materialy mezhdunarodnoj konferencii [XI Kant Readings. Proceedings of the International Kant Conference]*. Kaliningrad, p. 18–32.
20. Kant, I. 1997, *Critique of Pure Reason*, trans. P. Guyer and A. Wood, New York.
21. Kitcher, P. 1990, *Kant's Transcendental Psychology*. New York.
22. Kitcher, P. 2011, *Kant's Thinker*. New York.
23. Langton, R. 1998, *Kantian Humility*. New York.
24. Parsons, C. 1964, Infinity and Kant's Conception of the 'Possibility of Experience', in: *Philosophical Review*, no. 73, p. 183–197.
25. Soboleva, M. 2016, Braucht man Anschauung um zu denken?, in: *Das Denken des Denkens. Ein philosophischer Überblick*. Hrsg. M. Soboleva. Bielefeld. S. 87–112.
26. Strawson, P. F. 1966, *The Bounds of Sense*, London.
27. Wolff, R. P. 1963, *Kant's Theory of Mental Activity*, Cambridge (Mass.).

The author

Dr. Robert Howell, Professor Emeritus of the Department of Philosophy, University of Albany, USA; Professor of the Department of Ontology and Epistemology, Lomonosov Moscow State University, Russia.

E-mail: bobh@albany.edu; rhowell246@gmail.com

The translator

Dr. Maja Soboleva, Marburg University, Germany.

E-mail: soboleva@staff.uni-marburg.de